

Воскресенье, 10-го октября 1904 года.

О. М. Достоевскій въ Кузнецкѣ.

Въ этомъ маленькомъ городкѣ Томской губ. Федоръ Михайловичъ проведъ всего лишь нѣсколько недель, но здѣсь совершилось важное событие въ его жизни, именно женитьба на Марьѣ Дмитриевнѣ Исаевой.

Ныгншимъ дѣломъ мнѣ удалось собрать въ Кузнецкѣ кое-какія свѣдѣнія о самомъ писателѣ, а также о его невестѣ. Я пользовался при этомъ воспоминаніями нѣкоторыхъ старожилъ и, кромѣ того, въ архивѣ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе, нашелъ интересный документъ — «выписку» изъ такъ называемаго «брачнаго обмыска»^{*)}. Полагаю, что для всѣхъ, кому дорого имя покойнаго Фед. Мих., будетъ небезынтересно познакомиться съ лишней страничкой изъ его жизни, и рѣшился собранные материалы предать печати.

Съ М. Дм. Исаевой Федоръ Михайловичъ познакомился еще въ Семипалатинскѣ, когда, отбывъ срокъ каторжныхъ работъ и прослуживъ четыре года солдатомъ въ тамошнемъ сибирскомъ линейномъ № 7 батальонѣ, онъ былъ, наконецъ, сдѣланъ прапорщикомъ. Мужъ Исаевой былъ чиновникомъ особыхъ порученій при какомъ-то важномъ лицѣ. Онъ въ то время велъ безобразную жизнь, злоупотребляя спиртными напитками. Переведенный вскорѣ въ Кузнецкѣ корчмачнымъ засѣдателемъ^{**)}, Исаевъ скончался здѣсь въ мученіяхъ, оставивъ жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни^{***)}. Фед. Мих., извѣщенный о смерти Исаева, немедленно выслалъ Марьѣ Дмитриевнѣ значительную сумму денегъ, которую, говоритъ, самъ досталъ съ трудомъ. Тогда-же онъ началъ хлопотать о приѣмѣ ея старшаго сына на казенный счетъ въ учебное заведеніе. Много помогла Исаевой жена мѣстнаго исправника, богача и хлѣбосода, Анна Николаевна Катанаяна. Она цѣнила въ М. Д. ея воспитанность, умъ и высокую образованность. Большой поддержкой являлись для семейства Исаевыхъ деньги, которыя М. Д. зарабатывала частными уроками. Между прочимъ, она преподавала французскій языкъ учителю мѣстнаго приходскаго училища Вергунову. Онъ, говорятъ, былъ неравнодушенъ къ М. Д. и, такъ-же какъ Достоевскій, всми средствами старался облегчить ея тяжелое положеніе^{†)}. Извѣстно даже, что Фед. Мих. ревновалъ М. Д. къ Вергунову, но потомъ, вполнѣ убѣдившись, что она его любитъ, взялъ отъ нея и похлѣлъ изъ Семипалатинска въ Кузнецкѣ.

Здѣсь онъ остановился у Исаевыхъ, которые въ то время квартировали въ небольшомъ домикѣ портного Дмитриева. Домикъ этотъ, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ, помещается по Полтавской улицѣ, три года тому назадъ переименованной, впрочемъ, въ улицу Достоевскаго. Онъ состоитъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ, коридорчика-передней и кухни. Недавно обшари его тесомъ.

Бракъ былъ рѣшенъ. Но требовались издержки, а между тѣмъ средства какъ жениха, такъ и невесты были крайне ограниченны. Начались соображенія, откуда достать денегъ. Тутъ явилась на помощь опухъ А. Н. Катанаяна: она упростила бракосочетающимся всѣ труды и хлопоты по устройству свадьбы предоставивъ ей. Вслѣдъ о томъ, что на Исаевой женитъ какой-то приказчикъ офицернаго писателя и что свадьбу эту устраиваетъ Катанаяна, быстро облетѣла весь городъ, такъ что 6 февраля 1857 года, въ день назначенный для бракосочетанія, Оидитриевская церковь оказалась наполовину народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря участію Катанаяной, свадьба вышла весьма пышной. Вотъ что разсказываетъ Т. М. Тезезева, которая присутствовала въ церкви.

— За народомъ едва можно было протолкаться впередъ... Конечно, присутствовало въ церкви и все лучшее кузнецкое общество.—Анна Николаевна всѣхъ пригласила. Дамы были всѣ разнаряже-

ны... Въ церкви—полное освѣщеніе. Сначала, какъ водится, прѣхалъ женихъ. Конечно, вниманіе всѣхъ на него обратилось. И я съсмотрѣла съ любопытствомъ: хотъ мнѣ и было только лѣтъ 16, но я слышала, что онъ не простой человекъ,— писатель... Онъ, помню, былъ ужъ не молодой, лѣтъ тридцати восьми^{*)}; довольно высокой,— выше, пожалуй, средняго роста... Лицо имѣлъ серьезное. Одѣтъ онъ былъ въ военную форму, хорошо, и, вообще, былъ мужчиною видный. Жениха сопровождали два шафера: учитель Вергуновъ и чиновникъ таможеннаго вѣдомства Сапожниковъ. Скоро прибыла и невеста, также съ двумя шаферами; одинъ изъ нихъ былъ самъ исправникъ Иванъ Мироновичъ Катанаянъ. Худенькая, стройная и высокая, Марья Дмитриевна одѣта была

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

(Съ фот., снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 г.).

очень нарядно и красиво,—хотя и вловушка... Вѣнчалъ священникъ о. Евгений Тюменцевъ въ сослуженіи съ дьякономъ (по «брачному обмыску» — о. Петромъ Углицкимъ). Бѣлы и вѣнчаніе... Послѣ совершенія таинства молодые и гости отправились на вечеръ въ домъ, кажется, Катанаяныхъ. И не была тамъ...

Почти то же сообщилъ мнѣ о свадьбѣ другой очевидецъ, Д. И. Окорочковъ^{**)}. Онъ былъ лично знакомъ съ Фед. Мих. и часто встрѣчался съ нимъ на вечерахъ, которые устраивались еще до свадьбы у Катанаяныхъ. Достоевскій присутствовалъ на нихъ вмѣстѣ съ невестою. По словамъ Окорочкова, онъ всегда бывалъ въ очень веселомъ расположеніи духа, шутил, смѣялся. Это сообщеніе должно для насъ быть особенно интереснымъ. Какъ извѣстно, вообще Фед. Мих. отличался характеромъ необщительнымъ, даже мрачнымъ. Очевидно, здѣсь, въ Кузнецкѣ, подъ вліяніемъ близости любимого существа, вдали отъ служебныхъ обязанностей, отъ мѣст. неприятныхъ тяжелыми воспоминаніями, Фед. Мих. чувствовалъ себя если не вполнѣ счастливымъ, то удовлетвореннымъ болѣе или менѣе. Этимъ и можно объяснить его хорошее расположеніе духа, о которомъ говорить и на которомъ, нужно прибавить, прямо настаиваетъ Окорочковъ. Когда устраивались карты, Фед. Мих. не отказывался принимать участія; случалось

ему, какъ другимъ, выигрывать и проигрывать. Самъ Окорочковъ не разъ игралъ съ нимъ.

Нерѣдко видѣлъ Фед. Мих. въ его военномъ плащѣ гуляющимъ по улицамъ города, вмѣстѣ съ Марьей Дмитриевной^{*)}.

Посылалъ онъ часто вѣнчанному его священнику о. Евгению Тюменцеву, которому послѣ прислалъ въ подарокъ свою автобіографію^{**)}.

Въ этихъ послѣднихъ знакомыхъ прогулкахъ, вечерахъ, картахъ проходило время. Срокъ отпуска, даннаго Достоевскому, истекалъ. Скоро онъ, вмѣстѣ съ женою, дѣйствительно покинулъ Кузнецкѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ была на могилу Исаева, гдѣ стоялъ лишь деревенскій крестъ^{***)}, положена чугунная плита, изготовленная по распоряженію М. Д. И былъ на мѣстномъ кладбищѣ, отыскавъ могилу^{†)} и прочелъ эпитафію. Мнѣ кажется, едва-ли Фед. Мих. и его жена предпринимали что-нибудь тогда, не посовѣтовавшись предварительно, а если такъ, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что Фед. Мих. участвовалъ въ составленіи этой эпитафіи или, по крайней мѣрѣ, видѣлъ и одобрилъ ее. Она не длинна и я позволю себѣ ее привести:

«Ахъ емь воскресеніе и животъ, вѣруй въ Мя имать животъ вѣчный». Здѣсь покоится тѣло Александра Ивановича Исаева. Онъ умеръ 4 августа 1855 года».

Булаковъ.

Маралы и мараловодство на Алтайѣ.

На Алтайѣ существуетъ оригинальная промышленность, вызываемая требованіями китайскаго рынка — мараловодство.

Маралъ, по мнѣнію однихъ зоологовъ, является особымъ видомъ оленя, по мнѣнію же другихъ это лишь разновидность благороднаго оленя. Животное это высокаго роста, коричнево-бурого цвѣта, на тонкихъ красивыхъ ногахъ, съ живыми черными глазами, гордой осанкой. Въ маралѣ цѣнятся не его мясо и шкура, а его рога. Китайская медицина, вопреки мнѣнію европейской, считаетъ неокостенѣвшій рогъ марала цѣлебнымъ веществомъ и предъявляетъ на него требованія. На Алтайѣ издавна охотились за маралами алтайцы и русскіе промышленники и такъ какъ охота эта была очень выгодной, то животное, вслѣдствіе энергичнаго преслѣдованія его, значительно уменьшилось въ количествѣ и въ настоящее время попадаетъ только въ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ. Еще не давно не было никакихъ постановленій, регулировавшихъ охоту на мараловъ и промышленники ихъ убивали во всякое время, не боясь наказанія.

Въ девятидесятыхъ годахъ было запрещено совершенно охотиться на мараловъ, можно только ловить ихъ. Конечно, въ глухихъ алтайскихъ дѣбрихъ это запрещеніе не всегда исполняется населеніемъ, но всетаки истребленіе мараловъ значительно сокротилось.

Маралъ самецъ къ веснѣ ежегодно «сбрасываетъ» рога, вмѣсто нихъ у него вырастаютъ новые. Самка роговъ не имѣетъ.

Такъ какъ маралъ представляетъ цѣнность своими рогами, вырастающими ежегодно, то ослѣдо алтайское населеніе еще въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка пришло къ мысли ловить мараловъ, держа ихъ въ особыхъ дѣворахъ — «маралинахъ» — и ежегодно, когда наступитъ время, сдиравъ у нихъ рога. Для маралинка огороживается высокая на 4-хъ аршинъ крѣпкимъ «прасомъ» значительное пространство земли гдѣ нибудь въ долинѣ, поросшей лѣсомъ или кустами. Необходимо, чтобы въ маралинкѣ протекалъ ручеекъ или рѣчка, чтобы такимъ образомъ обстановка подходила къ естественнымъ условіямъ жизни марала на свободѣ. Маралы большіе любители «солончогъ», т. е. мѣсть, гдѣ земля солончатая. Потому въ хорошихъ маралинкахъ долженъ быть естественный солончогъ. За отсутствіемъ же его мараловодъ принужденъ

*) Самыя обмыскы, съ фотографіями Достоевскаго, его жены и др. матеріалы невинство гдѣ...

**) «Выписку» изъ «брачнаго обмыска».

***) Святынисто Т. М. Тезезева, дочка чиновника, и вломи тѣло-капитана М. В. Тезезова.

†) Т. М. Тезезова.

*) О. М. Мих. было тогда 34 года, невестѣ — 29 лѣтъ (по «брачному обмыску»).

**) О. проживаетъ въ с. Бачатѣ, въ 100 в. отъ Кузнецка. Я заѣхалъ къ нему на обратномъ пути въ Томскъ.

*) М. Н. Тезезова.

**) Е. Е. Васильева (дочь Тезезова) была угорена.

***) Д. В. Коргуяновъ.

†) Согласно указаніямъ Т. М. Тезезова.

приготовляют искусственный солонец подвойкой определенного места солиным раствором.

Особенно обширные маральники находятся в Нижнем Уймюге и около д. Береди, находящейся на речке того-же названия—притоке Бухтармы. Здесь, загородкой обнесенной большими лѣсными заросли и скалками, покрытыми густым лѣсом горки, такъ что маралы едва ли чувствуютъ перемену въ ихъ свободной жизни на долѣ природы.

Мараловъ обыкновенно ловятъ весной, гоня ихъ на лыжахъ. Въ это время снѣгъ покрывается тонкой ледяной коркой—„настомъ“ (на Алтаѣ его называютъ чарыкомъ). Мараль проваливается, ему колетъ ноги, да и движенья его болѣе затруднены, тогда какъ догоняющіе его промышленники свободно скользятъ на своихъ лыжахъ. Ловля производится цѣлой артелью, и замученное, вынужденное изъ силъ животное должно наконецъ покориться. Его связываютъ и на саняхъ доставляютъ въ маральникъ. Если же по чему либо нельзя доставить животное на мѣсто сейчасъ же, еще по веснѣ, то его оставляютъ до стальной снѣга подъ присмотромъ и увозятъ уже затѣмъ. Пойманый мараль довольно скоро привыкаетъ къ человеку, беретъ изъ его рукъ кормъ, позволяетъ гладить себя и проч.

Самки (маралухи), будучи помѣщены въ маральникъ, ругаются скорѣе, чѣмъ мараламъ самцы (на Алтаѣ ихъ называютъ быками). Телята рождаются весной и въ первое время матери ихъ скрываютъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ—въ кустахъ, заросляхъ, а на открытое мѣсто въ маральникъ выходятъ одні. Маралы, родившіеся въ неволѣ, вырастаютъ уже болѣе ручными, и если бы ихъ воспитывали не въ маральникѣ, то они совершенно перестали бы дичиться человека.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что много мараловъ погибаетъ въ первые дни жизни. Это нужно объяснить, вѣроятно, недостаткомъ надлежащихъ знаний у мараловодовъ—простыхъ, совершенно невѣжественныхъ крестьянъ. Эту гибель они объясняютъ „уродливостью“ марала, т. е. его чувствительностью къ „дурному“ глазу, и потому вмѣсто принятія положительныхъ лечебныхъ мѣръ стараются только огрѣдить мараловъ отъ человеческого взора. Съ весны у марала начинаются расти новые рога и растутъ они быстро.

Величина роговъ зависитъ отъ возраста животного. У взрослого они достигаютъ пудаго и даже большаго вѣса.

Молодые рога марала покрыты рыже-коричневой шерстью, богаты кровеносными сосудами, мягки на ощупь, на концахъ ихъ вѣтвей замѣтны мягкія набухшія шишки. Если въ это время мараль сорветъ кожу съ рогов, то изъ сорванного мѣста сочится кровь. Рога по мѣрѣ ихъ развитія начинаютъ крѣпнуть и костенѣть; къ концу лѣта они уже окончательно окостенѣваютъ и тогда уже не имѣютъ цѣлности какъ цѣлное вещество, а состоятъ только для костяныхъ подкладокъ, стоя на дорожке рубль—двухъ за пару.

Мараловодъ старается не упустить время, когда рога готовы и ихъ необходимо срывать. Онъ старается не „переросить“ рога, что при малоплодности весьма возможно и такихъ случаевъ бывало не мало. Это случалось даже съ такими опытными мараловодами, какъ покойный Агафонъ Черновъ въ Нижнемъ Уймюгѣ, получившій отъ Вольно-экономическаго Общества медаль за мараловодство. Обрывать рога раньше времени—это значитъ потерять на вѣсѣ ихъ, а некультурный человекъ, гонясь за копеечкой, часто теряетъ рубль...

Когда по мѣрѣ мараловода рога „поспѣли“, что бываетъ въ юнѣ, животное ловятъ, связываютъ и маленкой шишкой срываютъ ему рога. Въ большихъ маральникахъ для этого устроены особая приспособленія въ видѣ станковъ и особые загоны въ видѣ постепенно суживающагося коридора. Марала загоняютъ съ широкаго конца и гонятъ къ узкому. Здѣсь прикручиваютъ ему голову, быстро срываютъ рога и срванное мѣсто затираютъ землей или пеллою и накладываютъ повязку. При срываніи роговъ сочится изъ нихъ кровь, животное бьется и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ дней бьется влѣдъ, утомленнымъ.

Срванные рога вымачиваются въ соленомъ настое кирпичнаго чая и затѣмъ подвѣшиваются на

вѣтру для сушки. Высушенные рога терять нѣсколько болѣе половины своего вѣса.

Принимая во вниманіе нетребовательность марала въ пищу (лѣтѣмъ ее онъ находитъ въ маральникѣ, а зимой довольствуется снѣгомъ) и простоту изготовления для китайскаго рынка цѣлѣбнаго рогового вещества, весьма понятно, почему завети маральники и хоти двухъ—трехъ мараловъ мечтаютъ каждый алтайскій житель. Въ концѣ лѣта къ мараловодамъ прѣзжаютъ скушники. Весьма понятно, что за отдаленностью китайскаго рынка мараловодъ самъ не можетъ сбывать свой товаръ и нуждается въ посредничествѣ скушниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ берельскій крестьянинъ Блюсовъ крупный мараловодъ сбывалъ повязку и самъ побѣжалъ въ Китай со своимъ товаромъ, но встрѣтилъ тамъ, по неопытности, такую массу затрудненій и пробывъ такъ долго, что едва ли найдутся другіе желающіе послѣдовать его примѣру.

На Алтаѣ въ концѣ девятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія насчитывалось до 300 мараловодовъ, имѣвшихъ болѣе 3100 мараловъ. (Въ Забайкальѣ въ это время было также до 300 мараловодовъ, имѣвшихъ 1000 животныхъ). Въ 1897 г. съ Алтая было вывезено марального рога 180 пудовъ на сумму 50 тысячъ рублей.

А. Г.

Чемаль.

(Къ характеристикѣ алтайскихъ дачныхъ мѣстностей).

(Обозначеніе—см. планостр. прил. „Сиб. Ж.“ въ № 210.)

Кумысь готовится прѣзжающими изъ Чарына Ануя киргизами. Они пригоняютъ съ собой козлякъ два кобылицы, присоединяя иногда, по вѣдому, и мѣстныхъ. Прѣздъ ихъ обусловленъ наличиемъ болѣе или менѣе значительнаго числа дачниковъ; иначе имъ лѣтъ расцѣта выѣзжать. Минувшіи лѣтѣмъ дачники посланы за кумысниками парочнаго, и киргизы не дожидаясь конца сезона, выѣхавъ съ уменьшеніемъ числа клиентовъ. Кумысь, по отзывамъ лицъ, бывавшихъ въ другихъ мѣстахъ, несомнѣно удаченъ.

Квартиры даютъ мѣстные жители. Это простыя избы, неособенно грязныя, но и мало благоустроенныя. Много щелей и мало цѣльныхъ стеколъ. Надпирныхъ построекъ сравнительно мало; часто вмѣсто забора—ограда изъ жердей. Вы можете укрыться отъ постороннихъ глазъ, только сидя въ комнате.

Прислугу на мѣстѣ найти нельзя. Надо привозить съ собой или вступать на счетъ хозяина услужъ въ особое соглашеніе съ хозяйкой при наймѣ квартиры.

Постоянныхъ столовыхъ нѣтъ. Минувшіи лѣтѣмъ обѣды отуживались двумя лицами изъ мѣстныхъ жителей. Какъ говорятъ, каждое лѣто кто-нибудь берется за приготовленіе обѣдовъ. Но вполнѣ рассчитывать на это, по вѣдому, нельзя.

Имѣющіеся въ Чемальѣ лавочки очень слабо оборудованы. Сельскіе продукты довольно дешево и отбиваются болѣею частью 8 коп.; десятковъ яицъ, кринка молока, фунтъ мяса, поденокъ—все это по 8 коп.

Облѣдъ стоитъ 10—12 рублей. изба въ двѣ комнаты сдается рубль за 10 въ мѣсяцъ. Кумысь продается съ доставкой на домъ, по 10 коп. бутылка. Верховая лошадь отдается за 25 коп. на подноія и за 30 коп. на цѣлый лѣнь. Пристичные люди нанимаютъ лошадей за 20 коп.; непрактичные платятъ 40—50 коп. Кто умѣетъ и любитъ возить съ лошады, можетъ нанять по недѣлю и помѣсячно. Лошадь, болѣею частью, „привычная“, смиренная и хорошо карабкается по горамъ.

Если ѣхать на два мѣсяца въ Чемаль, то надо имѣть въ виду слѣдующіе расходы, помимо платы за проѣздъ на пароходѣ. Путь отъ Байска до Чемала 8—10 рублей за пару и 12—14 руб. за тройку лошадей. Ящики уже „запривязывать“.

Обычная плата за станокъ (Байскъ—Сростки—Чергачакъ—Александровское—Чемаль) и пару 2 р.—2 р. 50 коп. Назавдъ подкрѣпляютъ вѣсти чемальцы вплоть до Байска (приблизительно за 9 р.), но лошади сильно устала и дорога дѣлается утомительной. Слѣдовательно, путь впередъ и обратно 18—20 рублей; квартира за 2 мѣсяца 20 рублей; лошадь 10—15 р.; обѣдъ 24 р.; овощи, яйца, фрукты и др. расходы—20 р.; кумысь (1½ мѣсяца)—25 р. Всего около 120 р. Конечно, можно устроиться и дешевле, и дорожѣ.

Что хорошо въ Чемальѣ и пріятно поражаетъ кореннаго сибиряка,—это отсутствіе воровства. Жители не замикаютъ своихъ избъ, уходя изъ дома. Вы видите, какъ, въ отсутствіе хозяевъ, заходятъ неспешные люди, поднимаютъ по хозяйскимъ комчатамъ, заходятъ въ амбаръ, перебираютъ вещи, видимо, отыскивая что нужно, — и никогда не приходится слышать жалобу на то, что что-нибудь потерялось. Молодая дачница одиѣ спокойно уѣзжаютъ верхомъ далеко отъ селенія.

„Завѣтъ что теленка съ голоду кто зарѣжетъ, а такъ не тронуть“, — говорятъ чемальцы.

Г. Кузнецкъ. Домикъ, гдѣ жилъ Достоевскій, и улица, названная въ память писателя его именемъ. (Фот. В. И. Михѣева).

Г. Кузнецкъ. Старинная (осн. въ 1764 г.) Одигитріевская церковь, въ которой вѣчалъ Достоевскій. (Фот. В. И. Михѣева).

Блюсовъ добрался до Пекина и возвратился домой черезъ Ангаю. Дома его считали уже погибшимъ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ цѣна марального рога стояла высокая—11—12 рублей за фунтъ, такъ что хорошая пара роговъ (по мѣстному „пантовъ“) стоила болѣе 200 рублей. Затѣмъ цѣна стала падать и въ 1898 году рога покупались скушниками по 6—7 рублей за фунтъ. И эта цѣна является чрезвычайно выгодной для мараловода.

Пониженіе цѣны, кажется, слѣдуетъ объяснить увеличеніемъ предложенія товара. Мараль рогу сталъ поступать на китайскій рынокъ изъ Енисейской губерніи, гдѣ мараль водится на Саянахъ, изъ Забайкалья и съ Амuru. Въ настоящее время маральники имѣются не на одномъ Алтаѣ, а и въ указанныхъ мѣстахъ*).

Мараловодство будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока китайская медицина приписываетъ мараловому рогу цѣлѣбныя свойства. Во всякомъ случаѣ пережива въ взглядѣ этой медицины если и произойдетъ, то это случится не скоро, а до тѣхъ поръ мараловодство является выгодной отраслью мѣстной алтайской промышленности.

* Въ Восточной Сибири изрѣдка называютъ навозомъ.

Объясняют эту тишину и спокойствие тьмы, что в Алтайской округе небо было слышно. Какая разница с другими сибирскими местностями! Там, если вы ночью подыдете к грибникам, запертым засовами, воротам крестьянина, вас не впускают, пока обстоятельным вопросом не выяснят, кто вы, откуда, куда и зачем вас занесло в такую пору... Да и днем нередко ворота на запоры. В Чемалях часто идут заборы, а ворота такие, как будто обычно лишь на заднем дворе, да у захолустных поселений.

Человку, не страдающему каким-либо острым заболеванием, но утомленному усидной головной работой, засидевшему в душных, накуренных комнатах, должно быть хорошо в Чемалях Чистый, прозрачный воздух гор и основный бор бор двивается живоительно, бодрит. Глаза отдыхают на зеленом фоне гор и мягкой синеве горизонта. Почтовая станция верст за 100. Если вы не оставили острей заботы дома, то можете и сами не спать прожить, не зная, что делается на белом свете.

Для больного человека дело обстоит иначе. От Чемаля до Смирного приблизительно 160 верст. Выход приходится два дня. Как ни густа, ни свежа зелень по сторонам, по дороге поднимается сильная пыль. Если тихо и жарко, пыль стоит стелой и стелется дыхане. Отсутствие хороших помещений раздражает. Столь не дает удовлетворительного выбора. Врача нет. Аптека в Улаал, да и то сельская.

Грустно думать, что в Сибири много чудных местностей, «не уступающих Швейцарии», как любят выражаться люди, побывавшие за границей, не имеют никакой цены, так как культура не коснулась их. Приходится слышать сговора, что не находится предприимчивого человека, который взял бы в свои руки курортное и дачное дело. Конечно, можно ждать улучшения и со стороны частного предпринимателя. Но когда еще он существует. Да, кроме того, его задача будет не в культивировании местных условий жизни, а в привлечении возможно лучшей прибыли. Удовства жизни будут идти по равноудвигивающей элементарных потребностей дачников и жажды большей прибыли со стороны предпринимателя. При некультурности местного денежного человека, отсутствии крупных капиталов и конкуренции, ясно, в какую сторону будет отклоняться равнодвигивающая...

Инициатива должна проявиться среди тех, кто нуждается в горном Алтае, среди самих дачников. Должны образовываться общества, клубы, кружки альпинистов, туристов, дачников. Такие кружки и общества могут взять в свои руки улучшение способов передвижения, постройку небольших гостиниц, дачных домиков. Группы дачников могут на время приобретать дачи; или арендовать дома на долгий срок, приспособить их и сдавать частями, комнатами. Прибыль пойдет на улучшения и операционные расходы. В Крым есть клуб альпинистов. У клуба имеются свои знамя, небольшие охотничьи домики, издается небольшой журналчик. Услугами клуба пользуются не один член. Обыкновенно росписания и маршруты подают публикуются. Желание принять участие в поездках записывают и вносят по рублю за каждый день экскурсии. Провоз отчасти приходится запасать, отчасти можно достать на местах останков, — в гостиницы, в монастырь. В определенный час все является к сборному пункту, знакомятся и отправляются.

Вопрос об улучшении условий дачной жизни в Алтае и большей доступности поведает туда заслуживает самого теплого внимания. Наша скромная задача попытаться поднять его.

Л — ма.

Манжерокский порог.

Катуны можно считать сплавной рекой только в ее нижней части, приблизительно от с. Чепоша, выше которого она для плотов непроходима по обилию зарастающих русло камней. Но и на сплавном участке река удобна не везде, так как встречается довольно серьезные препятствия в виде напр. порогов у иородческого селения Манжерок, по имени которого они и называются. Сплавщики хорошо изучили особенности этих порогов и после многих крушений и несчастий научились проводить плоты этого удачно и развешивать «вожак» не ступать этого сделать. Способ провода плотов через порог очень прост.

Мараль (с отпиленными уже рогами).

Порог на р. Катуны в 15 вер. выше Чемаля.

как это можно видеть из прилагаемого схематического чертежа порожиной части реки.

Почти посреди реки, немного ближе к правому берегу ее, из-под воды выдвигается огромный плоский камень, постепенно поднимающийся к низшему (по течению) кону его. Камень носит название «Смирный» потому, что об него никогда не разбивался ни один плот. Ниже «Смирного», саженьях в 10, выдвигается небольшой с острой вершиной камень Уточник, названный в память

погибшего сплавщика Уточкина, плоть которого, как говорит предание, разбился в порог и Уточник случайно поплыл на этот камень, проплыл на нем три дня и наконец погиб сплаваясь впасть.

Рядом с Уточкинским камнем, ближе к правому берегу, находится еще камень, также носящий какое то историческое название. Расстояние между двумя последними камнями не велико и во всяком случае не больше 12—15 аршин, позволяющее проходить с плотом шириной от 9 до 11 арш. Ниже этих камней в малую воду образуется небольшой, около 1 1/2—2 арш. водопад.

Путь для плотов избирается мимо Смирного камня в промежутке между двумя ижедекащими камнями. Другого пути нет, так как все русло реки подвз лвого берега зарослено большим скалистым островом со множеством подводных камней, а подвз правого берега сплав невозможно в силу прибой у выходящего в реку утеса.

Когда подплываешь к порогу, жокак зорко наблюдает за тьмой, чтобы плот находился на той струе воды, которая бьется на Смирный камень. Малейшее уклонение плота от ожидаемого направления тотчас исправляется при помощи весель рабочими. Не доходя до Смирного камня несколько сажень, плот быстро поворачивают поперек реки, т. е. так, чтобы рулевое и кормовые весла были направлены к берегам реки. В таком положении плот со всей скоростью, приобретшей раньше, мчится прямо на камень, выскакивает на него на половину и выталкивает свою тяжестью вперед себя массу воды, которая в следующую момент отливается с камня обратно, увлекая с собой наскочивший на камень плот. Как только плот соскочит с камня назад, его вновь поворачивают вдоль реки и он тихо и плавно обгибает камень и направляется в проход между двумя ниже лежащими камнями. Едва успевает он принять свое прежнее положение, как вновь подхватывается быстрым течением, в одну секунду пролетает между камнями, соскакивает за тьму с водопада и уже ниже его ныряет в волны, разводимых водопадом. Сплавщики довольно благополучным проходом прошли опасного места и теперь спокойно могут совершать свой дальнейший путь.

Т—в.

По публикации.

I.

Нина Сибирцева, восемнадцатилетняя девушка, в конце августа вернулась в губернский город, где она лишь окончила гимназию. Лето она провела в далеком торговом селе, где ее мать старушка состояла просвирной и во время ее учения оказывала ей небольшую денежную помощь, продавая вещи, оставшиеся от прежнего достатка. Так как помощь эта была незначительная для жизни в губернском городе, то Нина обыкновенно старалась достать урост и таким образом сводила концы с концами, занимая крошечную комнатку в бедной знакомой семье псаломщика. Летом она основательно отдохнула, поправилась и чувствовала себя бодрой и здоровой. Далекий Петербург манил ее к себе из сибирской глуши. Студенческая жизнь, музеи, возможность стать у самого источника науки рисовались ей в самых радужных красках. Она думала, что только побывав там, в центре русской умственной жизни, она может пополнить свое образование, расширить умственный горизонт. И она решила поехать туда. Но когда она подыслась с матерью своей горячей мечтой, то не встретила сочувствия—малограмотная старушка не могла понять прелести будущей студенческой жизни. Она категорически заявила, что не пустит дочери в такую даль и что для нее было тяжело оказывать материальную помощь даже при жизни дочери в губернском городе, а степенная жизнь еще дороже, что она в свою очередь только и мечтала, как дочь окончит гимназию, получить

мѣсто учительницы и онѣ поселятся вдвоемъ. Но размовка между матерью и Ниной продолжалась недолго. Знакомый священникъ, у котораго довѣе раньше была въ курсахъ, а нынѣ замужемъ за виднымъ чиновникомъ, принять сторону Нины и убѣдять старушку, что вреда отъ курсовъ не будетъ, что напротивъ, окончивъ ученіе въ Петербургѣ, Нина будетъ имѣть возможность скорѣе получить учительское мѣсто въ городѣ и выгоды выйти замужемъ. Старушка согласилась, хотя не безъ боизни, еще ждать, но только потребовала, чтобы Нина осталась на годъ, наша занятія и накопила денегъ не менѣе двухсотъ рублей, которые вручила бы ей, а она уже будетъ высылать эти деньги по мѣрѣ надобности вмѣстѣ съ тѣми деньгами, кото-

стекломъ было написано: домъ купца Акіма Петровича Сухопарова.

Поднявшись на подъѣздъ и придавивъ кнопку электрическаго звонка, Нина стала терпѣливо ждать, но двери не отворялись. Вторая попытка дать звонокъ окончилась также безуспѣшно. Въ это время изъ воротъ вышла женщина и, увидѣвъ дѣвушку, проговорила.

— Вамъ, видно, Акіма Петровича надо, звонко-то не дѣйствуетъ да и рѣдко тутъ ходитъ, все больше черезъ дворъ. Идите по заднему крыльцу, а то тутъ до завтраго простите. Дома самъ-отъ-Нина стала распрямивать, какъ пройти, а женщина вызвалась провести ее сама.

Поднявшись на крыльцо, она скоро очутилась въ тѣсной маленькой передней.

— Акімъ Петровичъ! Васъ спрашиваютъ, громко кринула женщина и изъ соседней комнаты вышелъ высокій мужчина въ засаленномъ пиджакѣ и косовороткѣ. Онъ что-то прожевывалъ.

— Вамъ кого тутъ надо, меня што-ли?—спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Я по публикаціи насчетъ урока.

— А, пожалуйте, проходите въ кабинетъ, вотъ сюда, указалъ онъ соседнюю комнату. — Опять звонокъ-то не поправилъ! сколько разовъ я говорилъ,—сердито проговорилъ Сухопаровъ, подойдя къ дверямъ комнаты, изъ которой вышелъ.

— Гдѣ же направились, давно-я волни-

вы учились, какъ учились, мнѣ тоже знатъ необходимо, какую учительницу я отыщу сейчасъ, продолжалъ онъ.

— Училась я здѣсь въ гимназій, и училась хорошо, да и уроками я занимаюсь уже съ пятого класса,—отвѣчала Нина.

— А документикъ вы свой захватили? Мнѣ надо его самому поглядѣть, мало ли чего въ наскажете! Я велу дѣло на чистоту, прошу ужъ не обижаться! Нынѣ много обмана пошло... заявилъ Сухопаровъ и потребовалъ, чтобы дѣвушка принесла и показала ему свой аттестатъ гимназій. Затѣмъ поднялся вопросъ о платѣ. Когда Нина заявила, что менѣе 30 рублей въ мѣсяцъ она не поѣдетъ, Сухопаровъ заявилъ, что это дорого, что больше 15 рублей дать нельзя.

— Что вы, сударыня, говорилъ онъ, такую цѣну заломил! У меня прикащики такого жалованья на моемъ иждивеніи не получаютъ! Я и самъ въ ваши то годы не больше 10 рублей получалъ, а цѣлый день приходилось работать.

Нина рѣшила сбавить плату до 25 рублей. Сухопаровъ настаивалъ еще на большей уступкѣ, но дѣвушка наотрѣзъ отказалась.

— Ну, ладно, не уступайте, коли не хотите, быть можетъ, кто поговорчивѣе найдется,—сказалъ Сухопаровъ,—побойайте завтра часовъ въ 12 да и документикъ свой принесите, можетъ, тѣмъ временемъ и уступочку подумаете сдѣлать,—продолжалъ онъ.

Дѣвушка вышла. Не сбавить-ли?—думала она. Но съ другой стороны она понимала, что, повидимому, ей придется поѣхать въ глушь, къ неинтеллигентнымъ людямъ, въ среду чуждую по взглядамъ и потому ужъ если пролатъ свой трудъ, то нужно продать дорожее.—На квартирѣ ей тоже совѣтовали не уступать.

На завтра въ назначенный часъ она была уже у Сухопарова, захвативъ гимназическій аттестатъ.— Акімъ Петровичъ ни слова не сказалъ ей, что къ нему обращались еще съ двумя предложеніями, но поставилъ еще больше дорogie условія да и Сухопаровъ нашелъ Сибиреву болѣе подходящей. По-торговались еще, онъ затѣмъ уступилъ, согласился на условія, предъявленныя дѣвушкой и заявилъ, что послѣзавтра она можетъ ѣхать, на пароходѣ, идущемъ въ Каменское и далѣе, что онъ дастъ письмо, что ѣхать она должна на свои средства и что срокъ поступленія ей будетъ считаться со дня ея приѣзда въ Каменское.

Дѣвушка была довольна, что ея планы осуществятся и весело стала собираться въ путь.

Порогъ на р. Катунѣ въ 20 вер. ниже Чемала.

рыя можетъ удѣлать изъ своихъ средствъ. Познакомившаяся съ нуждой съ раннихъ лѣтъ, Нина хорошо понимала, что требованія матери вполне практичны. Она рѣшила ихъ исполнить и потому, вернувшись въ городъ, принялась за отысканіе занятій. Нашелся однако лишь одинъ, небольшой урокъ, при которомъ о сбереженіяхъ не было и думать. Нина каждое утро тщательно просматривала отдѣлъ объявленій въ жѣстной газетѣ, но ничего подходящаго не находила. Была масса объявленій такихъ же, какъ и она, нуждающихся въ урокахъ, но требованій на учителей или учительницъ не попадалась ни одного, что Нину очень огорчало конечно, такъ какъ она видѣла, что гдѣ ей—поѣздка въ Петербургъ на курсы становится трудно достижимой. Но вотъ однажды въ сентябрьское сѣрое, пасмурное утро, развернувъ газету Нина прочитала объявленіе: нужна въ отдѣлъ учительница къ двумъ дѣтямъ. Справившись у Сухопарова. Дворническая соб. д. Приходить утромъ.

Нина въ это время прошла уже въ кабинетъ и стала его разсматривать. Въ простѣикѣ стоялъ большой столъ, на которомъ въ порядкѣ лежали большіе счеты и стопки большіхъ конторскихъ книгъ. Дорогой письменный приборъ видимо былъ безъ употребленія, а возлѣ него стояла дешавая чернильница и трехкопеечная ручка.

Нинѣ, однако, недолго пришлось изучать обстановку, т. к. вошелъ Акімъ Петровичъ и грузно опустившись на кресло передъ диваномъ заговорилъ.

— Такъ вы, барышня, стало быть по публикаціи, учительницей поступить желаете?

— Да, вотъ и пришла узнать объ условіяхъ и куда придется ѣхать.

— Ѣхать придется не близко. По желѣзной дорогѣ до Ново-Николевска, а тамъ еще двѣсти верстъ, въ село Каменское. Во время навигаціи можно отсюда ѣхать прямо на пароходѣ до самаго мѣста, а вотъ имѣю такъ ужъ съ Ново-Николевска на лошадихъ приходится. Ну да не бѣда, кому надо запиле имѣть, тотъ и дальше поѣдетъ!

— Я согласна, если вы сойдемся, поѣхать до августа будущаго года.

— Что же, это, почитай, годъ, время не малое. Это знатъ мой одинъ заказъ мнѣ сдѣлать учительницу ребятамъ отсыпая, двѣ дѣвочки у него погодки, старшей то 9 лѣтъ, учить поря. Нынѣ худо безъ ученя. Вотъ вы это сами видите. Не будь вы ученая, сидѣли бы и тятеньки да маманыши, хлѣбъ ихъ кушали, хорошо, если бы было что кушать, а теперь вотъ вы сами себѣ голова, только, конечно, родители надо все-же уважать, изъ повиновенія не выходить. Много и такихъ: выучили родители, а она хвостомъ повернула, изъ родительской воли вышла и стала сама по себѣ. Это то-же нехорошо

Ефремовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У Нины мелькнула мысль, что получить урокъ съ готовой квартирой, она всю плату за него можетъ сберечь и черезъ годъ будетъ уже имѣть всю необходимую сумму, мечта осуществится и Петербургъ откроетъ гостеприимно передъ ней двери. Она рѣшила тотчасъ же идти къ Сухопарову, пока не успѣли ее предупредить другіе. При этой мысли ей стало стыдно.

— А что если кто другой нуждается больше моего! подумалось ей. Потому она рѣшила не сѣлать и пойти къ Сухопарову не раньше девяти часовъ. Жизнь лѣтняя, вспомнилась ей гдѣ то прочитанная фраза, если кто долженъ вынуть выигрышный номеръ, то и вынетъ его, хотя бы бралъ номера и позже другихъ.

Намѣреніемъ поѣхать на урокъ она подѣлилась съ своими квартирехозяевами и стала спрашивать совѣта псаломщика.

— Что же, Ниночка, поѣжайте,—сказалъ онъ, быть можетъ и хорошие люди попадутъ. Только знаете, что и вамъ скажу: этого Сухопарова я знаю, прикормистый человекъ, все подешевеетъ, наривтъ, цѣну не спускайте, меньше какъ тридцать рублей не берите. Если къ плохимъ людямъ попадете—вскліе вѣдь бываютъ—такъ было бы изъ за чего терять.

Ровно въ девять часовъ Нина вышла на улицу и сѣвѣной дѣловой походкой отправилась къ Сухопарову.

Его домъ невольно обращалъ на себя вниманіе: деревянный, двухэтажный, онъ былъ выкрашенъ розовой краской. Надъ окнами была густо наклеена фигурная приколѣвочная рѣзьба, выкрашенная въ яркій малиновый цвѣтъ, ворота были обтѣлены громадными жестянными бляхами, надъ калиткой крупными золочеными буквами на доскѣ подѣ-

Схематическій чертежъ къ замяткѣ—Манжерокскій порогъ. №№ 1, 2, 3, 4, 5—последовательное положеніе плота во время прохожденія его черезъ Манжерокскій порогъ.

Къ рисункамъ.

Пороги на р. Катунѣ, берущая начало въ ледникахъ Бѣлыхъ, въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи проходитъ среди горъ и сдвала есть на земномъ шарѣ другая такая рѣка, которая-бы протекала по такому-же каменному ложу, была бы также стиснута окружающими ее каменными громадами и также богата ущельями, тѣснинами и порогами. Часто каменная громада сдвѣлаетъ путь по двѣ рѣки отъ одного берега до другого и перегородочная или рѣка съ шумомъ рвется черезъ эту каменную преграду, покрывая блѣлоу пѣной невысокія скалы и въ бездальной злобѣ рстается предъ высокими, образующими небольшие острова среди блѣшно мелеющей Катунѣ. Подобные пороги изображены на нашихъ снимкахъ. Читатель можетъ видѣть, въ какихъ кривыхъ каменныхъ тѣснахъ оказалась зѣва рѣка и съ какою блженностью рвется она черезъ перегородившую ее гряду скалъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.